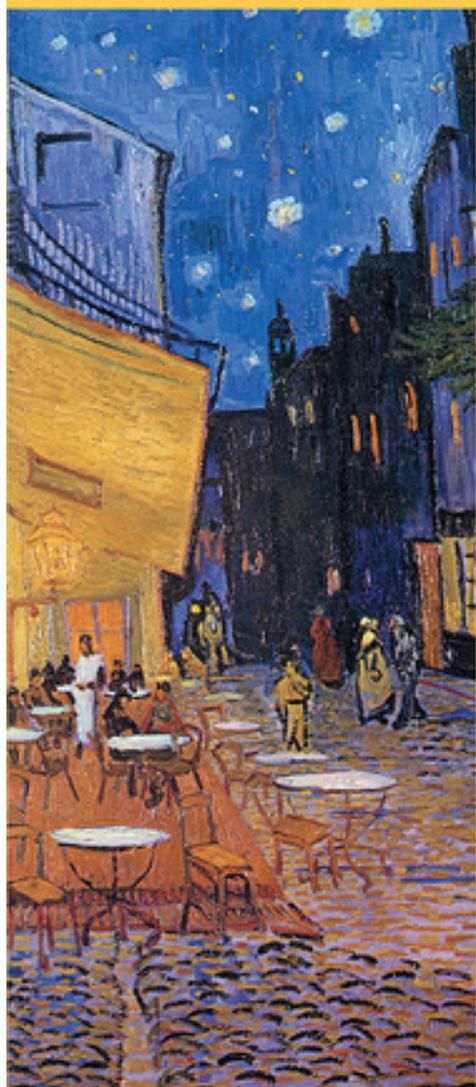
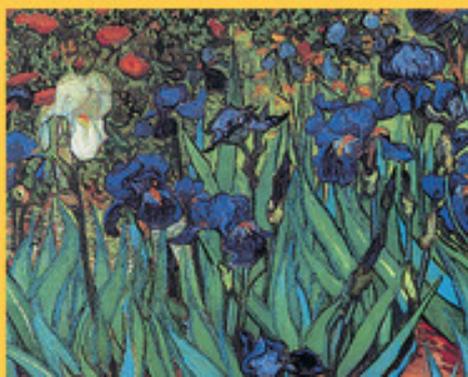

ЖИЗНЬ ВАН ГОГА

АНРИ ПЕРРЮШО

ЖИЗНЬ В ИСКУССТВЕ (АСТ)

Анри Перрюшо
Жизнь Ван Гога

«ФТМ»

«АСТ»

1955

УДК 75
ББК 85.143(3)

Перрюшо А.

Жизнь Ван Гога / А. Перрюшо — «ФТМ», «АСТ»,
1955 — (Жизнь в искусстве (АСТ))

ISBN 978-5-17-077889-8

Писатель Анри Перрюшо, известный своими монографиями о жизни и творчестве французских художников-импрессионистов удачно сочетает в своих романах беллетристическую живость повествования с достоверностью фактов, пытаясь понять особенности творчества живописцев и эпохи. В своей монографии о знаменитом художнике Винсенте Ван Гоге автор детально проследил творческий путь художника, процесс его профессионального формирования. В книге использованы уникальные документы, воспоминания современников, письма.

УДК 75
ББК 85.143(3)

ISBN 978-5-17-077889-8

© Перрюшо А., 1955
© ФТМ, 1955
© АСТ, 1955

Содержание

Часть первая. Бесплодная смоковница (1853–1880)	6
I. Безмолвное детство	6
II. Свет зари	18
III. Изгнание	24
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Анри Перрюшо Жизнь Ван Гога

Henry Perruchot
La Vie De Van Gogh

© Librairie Hachette, 1955. Все права защищены

© ООО «Издательство АСТ»

* * *

Часть первая. Бесплодная смоковница (1853–1880)

І. Безмолвное детство

Господи, я был по ту сторону бытия и в ничтожестве своем наслаждался бесконечным покоем; меня исторгли из этого состояния, чтобы вытолкнуть в странный жизненный карнавал.

Валери

Нидерланды – это не только необозримое поле тюльпанов, как часто полагают иностранцы. Цветы, радость жизни, воплощенная в них, мирное и красочное веселье, неразрывно в силу традиции связанное в нашем сознании с видами ветряных мельниц и каналов, – все это характерно для прибрежных областей, частично отвоєванных у моря и обязанных своим расцветом крупным портам. Эти области – на севере и на юге – есть собственно Голландия. Кроме того, Нидерланды насчитывают еще девять провинций: у всех у них своя прелесть. Но эта прелесть иного рода – подчас она более сурова: за полями тюльпанов расстилаются бедные земли, безотрадные места.

Среди этих областей едва ли не самая обездоленная та, что зовется Северным Брабантом и которую образуют тянущиеся чередой вдоль бельгийской границы луга и леса, заросшие вереском, и песчаные пустоши, торфяники и болота, – провинция, отделенная от Германии одной лишь узкой, неровной полоской Лимбурга, по которой протекает река Маас. Ее главный город – Хертогенбос, где родился Иероним Босх, художник XV века, известный своей причудливой фантазией. Почвы в этой провинции скудные, много необработанных земель. Здесь часто идут дожди. Низко нависают туманы. Сырость пронизывает все и вся. Здешние жители – по большей части крестьяне или ткачи. Напоенные влагой луга позволяют им широко развивать скотоводство. В этом равнинном краю с редкими грядами холмов, черными и белыми коровами на лугах и унылой цепью болот можно увидеть на дорогах тележки с собачьей упряжкой, которые везут в города – Берген-оп-Зоом, Бреда, Зевенберген; Эйндховен – медные бидоны с молоком.

Жители Брабанта в подавляющем большинстве – католики. Лютеране не составляют и десятой части здешнего населения. Оттого-то и приходы, которыми ведаєт протестантская церковь, самые убогие в этом краю.

Сеятель. (Подражание Милле)

В 1849 году в один из таких приходов – Гроот-Зюндерт, – небольшой поселок, расположенный у самой бельгийской границы, километрах в пятнадцати от Розендала, где находилась голландская таможня по пути Брюссель – Амстердам, был назначен 27-летний священник Теодор Ван Гог. Приход этот весьма незавиден. Но молодому пастору трудно рассчитывать на что-то лучшее: он не обладает ни блестящими способностями, ни красноречием. Его тяжело-весно-монотонные проповеди лишены полета, это всего лишь незамысловатые риторические упражнения, банальные вариации на избитые темы. Правда, он серьезно и честно относится к своим обязанностям, но ему недостает вдохновения. Нельзя также сказать, чтобы он отличался особой истовостью веры. Вера его искренна и глубока, но ей чужда подлинная страсть. Кстати сказать, лютеранский пастор Теодор Ван Гог – сторонник либерального протестантизма, центром которого является город Гронинген.

Этот ничем не примечательный человек, с аккуратностью клерка исполняющий обязанности священника, отнюдь не лишен достоинств. Доброта, спокойствие, радушная приветливость – все это написано на его лице, чуть детским, озаренном мягким, простодушным взглядом. В Зюндерте католики и протестанты одинаково ценят его любезность, отзывчивость, постоянную готовность услужить. В равной мере наделенный добрым нравом и приятной внешностью, это поистине «славный пастор» (*de mooi domine*), как называют его запросто, с едва уловимым оттенком пренебрежения прихожане.

Однако обыденность облика пастора Теодора Ван Гога, скромное существование, ставшее его уделом, прозябание, на которое он обречен собственной заурядностью, могут вызывать известное удивление – ведь зюндертский пастор принадлежит если не к знаменитому, то, уж во всяком случае, к известному нидерландскому роду. Он мог бы гордиться своим благородным происхождением, семейным гербом – веткой с тремя розами. Начиная с XVI века представители рода Ван Гогов занимали видные посты. В XVII веке один из Ван Гогов был главным казначеем Нидерландской унии. Другой Ван Гог, служивший вначале генеральным консулом в Бразилии, затем казначеем в Зеландии, в 1660 году в составе голландского посольства выезжал в Англию приветствовать короля Карла II в связи с его коронацией. Позднее некоторые из Ван Гогов становились церковниками, других влекли к себе ремесла или торговля произведениями искусства, третьих – военная служба. Как правило, они отлично преуспевали на избранном поприще. Отец Теодора Ван Гога – влиятельный человек, пастор крупного города Бреда, да и прежде, каким бы приходом он ни ведал, его всюду хвалили за «образцовую службу». Он потомок трех поколений золотопрядильщиков.

Иероним Босх. Автопортрет

Его отец – дед Теодора, – поначалу избравший ремесло прядильщика, впоследствии стал чтецом, а затем и священником при монастырской церкви в Гааге. Его сделал своим наследником двоюродный дед, который в юности – он умер в самом начале века – служил в королевской

швейцарской гвардии в Париже и увлекался скульптурой. Что же касается последнего поколения Ван Гогов – а у бредского священника было одиннадцать детей, хотя один ребенок умер еще в младенчестве, – то, пожалуй, самая незавидная участь выпала на долю «славного пастора», если не считать трех его сестер, оставшихся в старых девах. Две другие сестры вышли замуж за генералов. Его старший брат Иоганнес успешно делает карьеру в морском ведомстве – не за горами уже вице-адмиральские галуны. Три других его брата – Хендрик, Корнелиус Маринус и Винсент – ведут крупную торговлю произведениями искусства. Корнелиус Маринус обосновался в Амстердаме, Винсент содержит в Гааге картинную галерею, самую популярную в городе и тесно связанную с парижской фирмой «Гупиль», известной во всем мире и повсюду имеющей свои филиалы.

Ван Гоги, живя в достатке, почти всегда достигают преклонного возраста, к тому же у них у всех крепкое здоровье. Бредский священник, судя по всему, легко несет бремя своих шестидесяти лет. Однако пастор Теодор и в этом невыгодно отличается от своей родни.

И трудно предположить, что ему когда-либо удастся удовлетворить, если только она ему свойственна, страсть к путешествиям, столь характерную для его родни. Ван Гоги охотно выезжали за границу, и кое-кому из них даже случалось брать себе в жены чужестранок: бабушка пастора Теодора была фламандкой из города Малин.

В мае 1851 года, через два года после приезда в Гроот-Зюндерт, Теодор Ван Гог задумал на пороге тридцатилетия вступить в брак, но он не видел нужды искать себе жену за пределами страны. Он женится на голландке, родившейся в Гааге, – Анне Корнелии Карбентус. Дочь придворного мастера-переплетчика, она тоже родом из почтенной семьи – среди ее предков числится даже епископ Утрехтский. Одна из ее сестер замужем за братом пастора Теодора – Винсентом, – тем самым, что торгует картинами в Гааге.

Анна Корнелия, на три года старше мужа, почти ни в чем не схожа с ним. Да и род ее куда менее крепкого корня, чем мужнин. У одной из ее сестер бывают припадки эпилепсии, что свидетельствует о тяжелой нервной наследственности, сказывающейся и у самой Анны Корнелии. От природы нежная и любящая, она подвержена неожиданным вспышкам гнева. Живая и добрая, она часто бывает резка; деятельная, неутомимая, не знающая покоя, она вместе с тем на редкость упряма. Женщина пытливая и впечатлительная, с несколько беспокойным характером, она ощущает – и это составляет одну из приметных ее черт – сильнейшую склонность к эпистолярному жанру. Она любит откровенничать, пишет длинные письма. «Ik maak vast een woordje klaar» – от нее часто можно услышать эти слова: «Пойду-ка я черкну несколько строчек». В любую минуту ее может вдруг охватить желание взять в руки перо.

Пасторский дом в Зюндерте, куда тридцати двух лет от роду вошла хозяйкой Анна Корнелия, – одноэтажное кирпичное здание. Фасадом он выходит на одну из улиц поселка – совершенно прямую, как и все прочие. Другая сторона обращена в сад, где растут плодовые деревья, ели и акации, а вдоль дорожек – резеда и левкой. Вокруг поселка до самого горизонта, смутные очертания которого теряются в сером небе, тянутся бескрайние песчаные равнины. То тут, то там – скудный ельник, унылая, заросшая вереском пустошь, хижина с замшелой крышей, тихая река с перекинутым через нее мостом, дубовая рощица, подстриженные ивы, подернутая рябью лужа. Край торфяников дышит покоем. Порой можно подумать, будто жизнь здесь и вовсе остановилась. Затем вдруг пройдет женщина в чепце или крестьянин в фуражке, а не то на высокой кладбищенской акации заверещит сорока. Жизнь не рождает здесь никаких трудностей, не ставит вопросов. Дни текут, неизменно схожие один с другим. Кажется, жизнь раз и навсегда с незапамятных времен уложена в рамки давних обычаев и нравов, божьих заповедей и закона. Пусть она однообразна и скучна, но зато в ней надежность. Ничто не всколыхнет ее мертвящего покоя.

Портрет отца художника

* * *

Шли дни. Анна Корнелия привыкла к жизни в Зюндерте.

Жалованье пастора соответственно его положению было весьма скромным, но супруги довольствовались малым. Иногда им даже удавалось помогать другим. Они жили в добром согласии, часто вдвоем навещали больных и бедняков. Сейчас Анна Корнелия ждет ребенка. Если родится мальчик, его нарекут Винсентом.

И вот действительно 30 марта 1852 года Анна Корнелия произвела на свет мальчика. Его назвали Винсентом.

Винсентом – как его деда, пастора в Бреде, как гаагского дядюшку, как того дальнего родственника, который в XVIII веке служил в швейцарской гвардии в Париже. Винсент означает Победитель. Да будет он гордостью и отрадой семьи, этот Винсент Ван Гог!

Но увы! Через шесть недель ребенок умер.

Портрет матери художника

Винсент Ван Гог в возрасте 13 лет

Потянулись дни, полные отчаяния. В этом унылом краю ничто не отвлекает человека от его горя, и оно долго не утихает. Прошла весна, но рана не зарубцевалась. Счастье уже, что лето принесло надежду в объятый тоской пасторский дом: Анна Корнелия снова забеременела. Родит ли она другое дитя, чье появление смягчит, притупит ее безысходную материнскую боль? И будет ли это мальчик, способный заменить родителям того Винсента, на которого они возлагали столько надежд? Тайна рождения неисповедима.

Серая осень. Потом зима, мороз. Солнце медленно подымается над горизонтом. Январь. Февраль. Все выше в небе солнце. Наконец – март. Ребенок должен родиться в этом месяце, ровно через год после рождения брата... 15 марта. 20 марта. День весеннего равноденствия. Солнце вступает в знак Овна, свою, по утверждению астрологов, излюбленную обитель. 25 марта, 26-е, 27-е... 28-е, 29-е... 30 марта 1853 года, ровно через год – день в день – после появления на свет маленького Винсента Ван Гога, Анна Корнелия благополучно родила второго сына. Ее мечта сбылась.

И этот мальчик, в память о первом, будет наречен Винсентом! Винсентом Виллемом. И он также будет зваться: Винсент Ван Гог.

* * *

Постепенно пасторский дом наполнился детьми. В 1855 году у Ван Гогов родилась дочь Анна. 1 мая 1857 года появился на свет еще мальчик. Его назвали по отцу Теодором. Вслед за маленьким Тео появились две девочки – Елизабет Хюберта и Вильгельмина – и один мальчик, Корнелиус, младший отпрыск этого многодетного семейства.

Пасторский дом огласился детским смехом, плачем и щебетанием. Не раз пастору приходилось взывать к порядку, требовать тишины, чтобы обдумать очередную проповедь, поразмыслить над тем, как лучше истолковать ту или иную строфу Ветхого или Нового Завета. И в низеньком домике водворялась тишина, лишь изредка прерываемая сдавленным шепотом. Простое, бедное убранство дома, как и прежде, отличалось строгостью, словно постоянно напоминая о существовании Бога. Но, несмотря на бедность, это был поистине бюргерский дом. Всем своим обликом он внушал мысль об устойчивости, прочности господствующих нравов, о незыблемости существующего порядка, к тому же – сугубо голландского порядка, рассудочного, четкого и приземленного, равно свидетельствующего о некоторой чопорности и о трезвости жизненной позиции.

Из шестерых детей пастора только одного не нужно было заставлять молчать – Винсента. Неразговорчивый и угрюмый, он сторонился братьев и сестер, не принимал участия в их играх. В одиночестве бродил Винсент по окрестностям, разглядывая растения и цветы; иногда, наблюдая за жизнью насекомых, растягивался на траве у самой реки, в поисках ручейков или птичьих гнезд обшаривал леса. Он завел себе гербарий и жестяные коробки, в которых хранил коллекции букашек. Он знал наперечет названия – подчас даже латинские – всех насекомых. Винсент охотно общался с крестьянами и ткачами, расспрашивал их, как работает ткацкий станок. Подолгу наблюдал за женщинами, стиравшими на реке белье. Даже предаваясь детским забавам, он и тут выбирал игры, при которых можно уединиться. Любил он сплести шерстяные нити, восторгаясь сочетанием и контрастом ярких цветов¹. Любил он и рисовать. Восьми лет от роду Винсент принес матери рисунок – он изобразил на нем котенка, взбирающегося на садовую яблоню. Примерно в те же годы его как-то застали за новым занятием – он пытался вылепить из горшечной глины слона. Но стоило ему заметить, что за ним наблюдают, как он тотчас же расплющил вылепленную фигурку. Только такими безмолвными играми и забавлялся странный мальчуган. Не раз наведывался он к стенам кладбища, где покоился его старший брат Винсент Ван Гог, о котором он знал от родителей, – тот, чьим именем его нарекли.

Братья и сестры были бы рады сопровождать Винсента в его прогулках. Но они не решились просить его о подобной милости. Они побаивались своего нелюдимого брата, в сравнении с ними казавшегося крепышом. От его приземистой, костлявой, чуть неуклюжей фигуры веяло необузданной силой. Что-то тревожное угадывалось в нем, сказываясь уже во внешности. В лице его можно было заметить некоторую асимметрию. Светлые рыжеватые волосы скрывали неровность черепа. Покатый лоб. Густые брови. А в узких щелках глаз, то голубых, то зеленых, с угрюмым, печальным взглядом, временами вспыхивал мрачный огонь.

Конечно, Винсент куда больше походил на мать, чем на отца. Подобно ей, он выказывал упорство и своенравие, доходящее до упрямства. Неуступчивый, непослушный, с трудным, противоречивым характером, он следовал исключительно собственным прихотям. К чему он стремился? Никто не знал этого, и, уж верно, меньше всех он сам. Он был неспокоен, как вулкан, временами заявляющий о себе глухим рокотом. Нельзя было усомниться в том, что он любит своих родных, но любой пустяк, любая безделица могли вызвать у него приступ ярости. Все любили его. Баловали. Прощали ему странные выходки. К тому же он первый раскаивался в них. Но он не был властен над собой, над этими неукротимыми порывами, которые вдруг захлестывали его. Мать, то ли от избытка нежности, то ли узнавая в сыне самое себя, склонна была оправдывать его вспыльчивость. Иногда в Зюндерт наезжала бабушка – жена бредского пастора. Как-то раз она стала свидетельницей одной из выходок Винсента. Не говоря ни слова, она схватила внука за руку и, угостив его подзатыльником, выставила за дверь. Но невестка

¹ У наследников художника сохранилось несколько подобных шерстяных косичек. По свидетельству Мюнстербергера, встречающиеся в них цветовые сочетания характерны для произведений Ван Гога. – Здесь и далее все примечания, не обозначенные особо, – автора.

сочла, что бредская бабушка превысила свои права. За весь день она не разжала губ, и «славный пастор», желая, чтобы все позабыли об инциденте, распорядился заложить маленькую бричку и предложил женщинам покататься по лесным дорожкам, окаймленным цветущим вереском. Вечерняя прогулка по лесу способствовала примирению – великолепие заката развеяло обиду молодой женщины.

Впрочем, неуживчивый нрав юного Винсента проявлялся не только в родительском доме. Поступив в коммунальную школу, он прежде всего выучился у крестьянских ребят, сыновей местных ткачей, всевозможным ругательствам и сыпал ими напрапалую, стоило ему только выйти из себя. Не желая подчиняться никакой дисциплине, он выказал такую необузданность да и с соучениками вел себя так вызывающе, что пастору пришлось взять его из школы.

Теодор Ван Гог, брат художника

Однако в душе угрюмого паренька таились скрытые, робкие ростки нежности, дружеской чуткости. С каким старанием, с какой любовью маленький дикарь рисовал цветы и потом дарил рисунки своим приятелям. Да, он рисовал. Очень много рисовал. Животных. Пейзажи. Вот два его рисунка, относящиеся к 1862 году (ему было девять лет): на одном из них изображена собака, на другом – мост. И еще он читал книги, читал без усталости, без разборки пожирая все, что только попадалось ему на глаза.

Столь же неожиданно он страстно привязался к своему брату Тео, на четыре года его моложе, и тот стал его постоянным спутником в прогулках по окрестностям Зюндерта в редкие часы досуга, которые оставляла им гувернантка, не так давно приглашенная пастором для вос-

питания детей. А между тем братья и вовсе не схожи между собой, разве что волосы у обоих одинаково светлые и рыжеватые. Уже сейчас видно, что Тео пошел в отца, унаследовав его кроткий нрав и приятную внешность. Спокойствием, тонкостью и мягкостью черт лица, хрупкостью сложения он являет собой странный контраст с угловатым братом-крепышом. Между тем в унылом безобразии торфяников и равнин брат открыл ему тысячу тайн. Он научил его видеть. Видеть насекомых и рыб, деревья и травы. Зюндерт объят дремотой. Дремотой скована вся бескрайняя недвижная равнина. Но стоит Винсенту заговорить, и все вокруг оживает, и обнажается душа вещей. Пустынная равнина наполняется тайной и властной жизнью. Кажется, что природа замерла, но в ней непрерывно совершается работа, беспрестанно что-то обновляется и зреет. Трагический облик вдруг обретают подстриженные ивы, с их кривыми, узловатыми стволами. Зимой они охраняют равнину от волков, чей голодный вой пугает по ночам крестьянок. Тео слушает рассказы брата, ходит с ним на рыбалку и удивляется Винсенту: всякий раз, когда рыба клюет, он, вместо того чтобы радоваться, огорчается.

Но, по правде сказать, Винсент огорчался по любому поводу, впадая в состояние мечтательной прострации, из которого выходил лишь под влиянием гнева, совершенно несоизмеренного с породившей его причиной, или порывов неожиданной, необъяснимой нежности, которую братья и сестры Винсента принимали с робостью и даже с опаской.

Вокруг бедный пейзаж, бескрайность простора, который открывается взору за раскинувшейся под низкими облаками равниной; безраздельное царство серого цвета, поглотившего землю и небо. Темные деревья, черные торфяные болота, щемящая грусть, лишь изредка смягчаемая бледной улыбкой цветущего вереска. А в пасторском доме – скромный семейный очаг, сдержанное достоинство в каждом жесте, строгость и воздержание, суровые книги, учившие, что судьба всего живого предопределена и тщетны все попытки спастись, толстый черный фолиант – Книга Книг, со словами, принесенными из глубины веков, которые и суть Слово, тяжелый взгляд Господа Бога, следящего за каждым твоим движением, этот вечный спор с Всевышним, которому надо подчиняться, но против которого хочешь восстать. А внутри, в душе, – столько вопросов, бурлящих, никак не отливающихся в слова, все эти страхи, бури, эта невыраженная и невыразимая тревога – боязнь жизни, сомнения в самом себе, порывы, внутренний разлад, смутное чувство вины, неясное ощущение, что ты обязан что-то искупить...

На высокой кладбищенской акации свила гнездо сорока. Быть может, изредка она садится на могилку маленького Винсента Ван Гога.

* * *

Когда Винсенту пошел двенадцатый год, отец решил определить его в пансион. Он оставил свой выбор на учебном заведении, которое содержал в Зевенбергене некий господин Провили.

Зевенберген, небольшой городок, расположен между Розендаалем и Дордрехтом, среди широких лугов. Винсента встретил здесь знакомый пейзаж. В заведении господина Провили он на первых порах стал мягче, общительней. Однако послушание не сделало его блестящим учеником. Читал он еще больше прежнего, с горячеей, неутолимой любознательностью, одинаково распространяющейся на все – от романов до философских и богословских книг. Однако науки, преподававшиеся в заведении господина Провили, не вызывали у него такого же интереса.

Два года Винсент провел в школе Провили, затем полтора года – в Тилбурге, где продолжил свое образование.

В Зюндерт он приезжал лишь на каникулы. Здесь Винсент, как и прежде, много читал. Он еще больше привязался к Тео и неизменно брал его с собой в долгие прогулки. Любовь его к природе нисколько не ослабела. Он бродил по окрестностям неустанно, меняя направление, и часто, застыв на месте, оглядывался кругом, погруженный в глубокое раздумье. Так

ли уж сильно он изменился? По-прежнему его обуревают вспышки гнева. Та же резкость в нем, та же скрытность. Не вынося чужих взглядов, он подолгу не решается выйти на улицу. Головные боли, рези в желудке омрачают его отрочество. Он то и дело ссорится с родителями. Сколь часто, отправляясь вдвоем навестить больного, священник и его жена останавливаются где-нибудь на безлюдной дороге и заводят разговор о своем старшем сыне, встревоженные его переменчивым нравом и неуступчивым характером. Они озабочены тем, как сложится его будущее.

В здешних краях, где даже католики не избегли влияния кальвинизма, люди привыкли ко всему относиться серьезно. Развлечения здесь редки, суетность – под запретом, любые забавы подозрительны. Мерное течение дней нарушают лишь редкие семейные праздники. Но как сдержанно их веселье! Радость жизни не проявляется ни в чем. Эта сдержанность породила могучие натуры, но она же оттеснила в тайники души силы, которые в один прекрасный день, вырвавшись наружу, способны развязать бурю. Может быть, Винсенту недостает серьезности? Или, напротив, он слишком серьезен? Видя странный характер сына, отец, возможно, задумывался над тем, не наделя ли Винсент чрезмерной серьезностью, не слишком ли близко к сердцу он принимает все – каждый пустяк, каждый жест, каждое замечание, оброненное кем-нибудь, каждое слово в каждой прочитанной книге. Страстная устремленность, жажда Абсолюта, присущие этому непокорному сыну, смущают отца. Даже его вспышки гнева и те – результат опасного прямодушия. Как он будет исполнять свой долг в этой жизни, его возлюбленный сын, чьи странности в одно и то же время и привлекают, и раздражают людей? Как ему стать мужчиной – степенным, всеми уважаемым, который не уронит своего достоинства и, умело поведя дела, прославит свой род?

Вот как раз Винсент возвращается с прогулки. Он шагает, понури голову. Сутулится. Соломенная шляпа, прикрывающая коротко остриженные волосы, затеняет лицо, в котором уже сейчас нет ничего юношеского. Над насупленными бровями его лоб бороздят ранние морщины. Он невзрачен, неуклюж, почти уродлив. И все же... И все же от этого угрюмого юноши веет своеобразным величием: «В нем угадывается глубокая внутренняя жизнь»². Что же ему суждено совершить на своем жизненном поприще? И прежде всего, кем сам он хотел бы стать?

Этого он не знал. Он не изъявлял никакой склонности к той или иной профессии. Работать? Да, работать надо, вот и все. Труд – необходимое условие человеческого бытия. В своей семье он найдет набор прочных традиций. Он пойдет по стопам своего отца, своих дядей, поступит, как все.

Отец Винсента – священник. Трое братьев отца успешно торгуют произведениями искусства. Винсент хорошо знает своего дядю и тезку – Винсента, или дядю Сента, как нарекли его дети, – гаагского торговца картинами, который ныне, уйдя от дел, живет в Принсенхаге, неподалеку от города Бреда. В конце концов он решил продать парижской фирме «Гупиль» свою картинную галерею, которая благодаря этому превратилась в гаагский филиал этой фирмы, простершей свое влияние на оба полушария – от Брюсселя до Берлина, от Лондона до Нью-Йорка. В Принсенхаге дядюшка Сент живет в роскошно обставленной вилле, куда он перевоз лучшие из своих картин. Раз-другой пастор, несомненно глубоко восхищавшийся братом, возил своих детей в Принсенхаге. Винсент подолгу, словно замороженный простаивал перед холстами, перед новым волшебным миром, впервые открывшимся ему, перед этим образом природы, чуть отличным от нее самой, перед этой реальностью, заимствованной у действительности, но существующей независимо от нее, перед этим прекрасным, упорядоченным и ярким миром, где властью искушенного глаза и умелой руки обнажена скрытая душа вещей. Никто не знает, о чем тогда размышлял Винсент, думал ли он о том, что сопутствовавшая его детству кальвинистская суровость плохо сочетается с этим новым ослепительным миром, столь

² Elisabeth-Huberta du Quesne, Van Gogh: Souvenirs personnels.

непохожим на скучные пейзажи Зюндерта, и не столкнулись ли в его душе смутные этические сомнения с чувственной красотой искусства?

Ни слова не дошло до нас об этом. Ни единой фразы. Ни единого намека.

Между тем Винсенту исполнилось шестнадцать лет. Надо было определить его будущее. Пастор Теодор созвал семейный совет. И когда заговорил дядюшка Сент, предложив племяннику пойти по его стопам и, подобно ему самому, снискать на этой стезе блистательный успех, все поняли, что дядюшке будет нетрудно облегчить юноше первые шаги – он даст Винсенту рекомендацию к господину Терстеху, директору гаагского филиала фирмы «Гупиль». Винсент принял предложение дяди.

Винсент будет продавцом картин.

II. Свет зари

Небо вверху над крышей столь безмятежно сине...

Верлен

Да, Винсент будет таким, как все.

Письма, которые присылал в Зюндерт господин Терстех, окончательно успокоили Ван Гогов относительно судьбы старшего сына. Их тревога была напрасной: стоило Винсенту стать на собственные ноги, и он понял, чего от него ждут. Трудолюбивый, добросовестный, аккуратный, Винсент – образцовый служащий. И еще: несмотря на свою угловатость, он на редкость ловко свертывает и разворачивает холсты. Он знает наперечет все картины и репродукции, офорты и гравюры в магазине, и отличная память в сочетании с умелыми руками, без сомнения, сулит ему верную карьеру на поприще коммерции.

Он совсем непохож на прочих служащих: силясь угодить клиентам, они в то же время плохо скрывают свое равнодушие к товару, которым торгуют. Но Винсент живо интересуется картинами, проходящими через фирму «Гупиль». Случается, он даже позволяет себе оспаривать мнение того или иного любителя, сердито бормоча что-то под нос и не проявляя должной услужливости. Но все это со временем уладится. Это лишь мелкий недостаток, который он, надо полагать, скоро изживет, результат неопытности, долгого одиночества. Фирма «Гупиль» берет на комиссию только те картины, которые высоко котируются на рынке искусств – картины академиков, лауреатов Римской премии, известных мастеров вроде Луи-Пьера Анрикель-Дюпона или Луиджи Каламатта, живописцев и граверов, чье творчество и талант поощряются публикой и властями. Война 1870 года, вспыхнувшая между Францией и Германией, побудила фирму «Гупиль» наряду с бесчисленными ню, сентиментальными или нравоучительными сценками, вечерними пасторальями и идиллическими прогулками на лоне природы выставить также кое-какие скороспелые образцы батального жанра.

Винсент разглядывал, изучал, анализировал эти тщательно отделанные картины. Его волновало все, что относилось к искусству. Сплошь и рядом его охватывало чувство восторга. Он был преисполнен почтения к фирме «Гупиль», гордившейся своей прочной репутацией. Все или почти все восхищало его. Казалось, его восторженность не знает меры. Впрочем, если не считать того раза в доме дядюшки Сента в Принсенхаге, он ведь не видел раньше произведений искусства. Он ровным счетом ничего не знает об искусстве. Так неожиданно он окунулся в этот новый мир! Винсент жадно осваивал его. В часы досуга он посещал музеи, изучал творчество старых мастеров. В те воскресенья, когда он не бродил по залам какого-нибудь музея, он читал или же отправлялся в Схевенинген в окрестностях Гааги, который в ту пору был всего-навсего тихим рыбацким поселком. Его привлекали рыбаки, ходившие в море за сельдью, и мастера, плетущие сети.

Винсент поселился в добропорядочной гаагской семье, жизнь его текла спокойно и безмятежно. Работа ему нравилась. Казалось, чего еще желать?

Его отец, покинув Зюндерт, обосновался в Хелфоурте, другом брабантском городке неподалеку от Тилбурга, где снова получил столь же убогий приход. В августе 1872 года Винсент в дни отпуска наведился в Ойстервейк, близ Хелфоурта, где учился его брат Тео. Он был поражен умом этого пятнадцатилетнего мальчика, преждевременно возмужавшего под влиянием сурового воспитания. Возвратившись в Гаагу, Винсент вступил с ним в переписку: в письмах он рассказывал брату о своей службе, о фирме «Гупиль». «Это великолепное дело, – писал он, – чем дольше служишь, тем лучше хочется работать».

Вскоре и Тео пошел по стопам старшего брата. Семья бедна, и дети должны сами зарабатывать себе на жизнь. Тео не исполнилось и шестнадцати лет, когда в самом начале 1873 года он выехал в Брюссель и поступил на службу в бельгийский филиал фирмы «Гупиль».

Винсент тоже покинул Голландию. В награду за его рвение фирма «Гупиль» перевела его с повышением в лондонский филиал. Вот уже четыре года, как он служит в фирме «Гупиль». В британской столице его опередило рекомендательное письмо господина Терстеха, полное одних добрых слов. Период обучения торговца картинами завершен.

* * *

В Лондон Винсент приехал в мае.

Ему двадцать лет. У него все тот же пристальный взгляд, та же чуть угрюмая складка рта, но тщательно выбритое, юношески округлое лицо словно посветлело. Все же нельзя сказать, что Винсент излучает веселье или хотя бы жизнерадостность. Его широкие плечи и бычий затылок создают ощущение силы, непробудившейся мощи.

Однако Винсент счастлив. Здесь у него несравненно больше досуга, чем в Гааге: он приступает к работе лишь в девять часов утра, а в субботние вечера и по воскресеньям он и вовсе свободен, как это принято у англичан. Все привлекает его в этом чужом городе, своеобразное обаяние которого он сразу живо почувствовал.

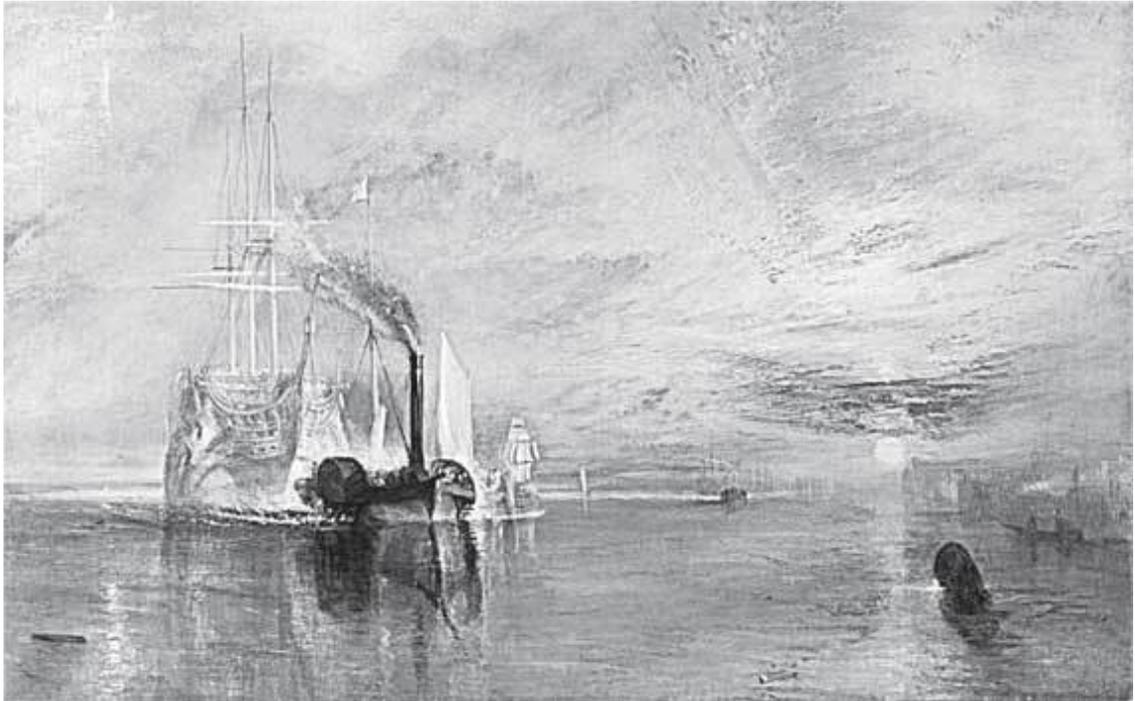
Он посещал музеи, картинные галереи, антикварные лавки, не уставая знакомиться с новыми произведениями искусства, не уставая ими восхищаться. Раз в неделю он ходил смотреть рисунки, которые выставляли в своих витринах «Грэфик» и «Лондон ньюс». Эти рисунки произвели на него такое сильное впечатление, что они надолго остались в его памяти. Поначалу английское искусство вызывало у него известное недоумение. Винсент не мог решить, нравится оно ему или нет. Но постепенно он поддался его обаянию. Его восхищал Констебль, ему нравились Рейнольдс, Гейнсборо, Тернер. Он начал коллекционировать гравюры.

Англия полюбилась ему. Он спешно купил себе цилиндр. «Без этого, – уверял он, – в Лондоне невозможно вести дела». Он жил в семейном пансионе, который вполне устраивал бы его, если бы не слишком высокая – для его кармана – плата и невыносимо болтливый попугай, любимец двух старых дев, хозяек пансиона. По дороге на службу – в картинную галерею на Саутгемптон-стрит, 17, в самом центре Лондона, – и обратно, шагая в плотной лондонской толпе, он вспоминал книги и персонажи английских романистов, которых усердно читал. Само обилие этих книг, характерный для них культ семейного очага, скромных радостей скромных людей, улыбчивая грусть этих романов, чуть приперченная юмором сентиментальность и слегка отдающая ханжеством дидактичность глубоко волновали его. Особенно нравился ему Диккенс.

Диккенс умер в 1870 году, за три года до приезда Винсента в Лондон, достигнув вершины славы, какой до него, вероятно, не знал при жизни ни один писатель. Его прах покоился в Вестминстерском аббатстве рядом с прахом Шекспира и Филдинга. Но его персонажи – Оливер Твист и крошка Нелл, Николас Никклби и Дэвид Копперфилд – остались жить в сердцах англичан. И Винсента тоже преследовали эти образы. Как любителя живописи и рисунка, его, вероятно, восхищала удивительная зоркость писателя, который, неизменно замечая во всяком явлении его характерную черту, не боялся преувеличивать ее для пущей наглядности и в каждом эпизоде, каждом человеке, будь то женщина или мужчина, умел мгновенно выделить главное.

И все же это искусство, по всей вероятности, не произвело бы на Винсента такого сильного впечатления, если бы Диккенс не затронул в его сердце самые сокровенные струны. В героях Диккенса Винсент находил те самые добродетели, которые насаждал в Зюндерте его отец. Все мироощущение Диккенса пронизано доброжелательностью и гуманизмом, сочув-

ствием к человеку, поистине евангельской мягкостью. Диккенс – певец человеческих судеб, не знающих ни блистательного взлета, ни трагедийного блеска, чуждых всякой патетики, скромных, бесхитростных, но, в сущности, столь счастливых своей безмятежностью, довольствующихся столь элементарными благами, что на них мог бы притязать всякий и каждый. А что нужно героям Диккенса? «Сто фунтов стерлингов в год, славная женушка, дюжина детей, стол, любовно накрытый для добрых друзей, собственный коттедж вблизи Лондона с зеленым газоном под окном, маленький садик и немного счастья»³.

Последний рейс корабля «Отважный»

Неужели жизнь может быть такой щедрой, такой чудесной, нести человеку столько простых радостей? Какая мечта! Сколько поэзии в этом незамысловатом идеале! Возможно ли, что когда-нибудь и ему, Винсенту, будет дано насладиться подобным счастьем, жить, или, точнее, забыться сном в этом блаженном покое – стать одним из баловней судьбы? Достоин ли он всего этого?

³ Стефан Цвейг, Три мастера (Достоевский, Бальзак, Диккенс).

Джошуа Рейнольдс. Автопортрет

Винсент плутал по узким окраинным улочкам, где жили герои Диккенса, где обитают их братья. Старая, добрая, веселая Англия! Он гулял по набережной Темзы, любясь водами реки, тяжелыми баржами, перевозящими уголь, Вестминстерским мостом. Иногда он доставал из кармана листы бумаги и карандаш и начинал рисовать. Но всякий раз он недовольно хмыкал. Рисунок не получался.

В сентябре, считая плату за пансион непомерно высокой, он перебрался на другую квартиру. Он поселился у вдовы священника, мадам Луайе, которая была родом из Южной Европы. «Теперь я располагаю комнатой, какую давно желал иметь, – писал довольный Винсент брату Тео, – без косых балок и синих обоев с зеленой каймой». Незадолго до этого он совершил в обществе нескольких англичан лодочную прогулку, которая оказалась весьма приятной. Честное слово, жизнь прекрасна...

Жизнь и впрямь с каждым днем казалась Винсенту все прекрасней.

Английская осень сулила ему тысячу радостей. Восторженный почитатель Диккенса вскоре осуществил свою мечту: он полюбил. У мадам Луайе была дочь Урсула, которая помогала ей содержать частные ясли. Винсент сразу влюбился в нее и в порыве влюбленности называл ее «ангелом с младенцами». Между ними завязалась своеобразная любовная игра, и теперь по вечерам Винсент торопился домой, чтобы скорей увидеть Урсулу. Но он был робок, неуверен и не умел высказать свою любовь. Девушка как будто благосклонно принимала его робкое ухаживание. Кокетка по натуре, она забавлялась неказистым брабантским пареньком, так скверно изъясняющимся по-английски. А он ринулся в эту любовь со всем простодушием и страстностью своего сердца, с тем же простодушием и страстностью, с которой восторгался картинами и рисунками, не разбирая, хороши они или посредственны.

Он искренен, и в его глазах весь мир – воплощенная искренность и доброта. Он ничего еще не успел сказать Урсуле, но ему не терпится поведать всем о своем счастье. И он пишет сестрам, родителям: «Я никогда не видел и даже в мечтах не представлял себе ничего прекраснее той нежной любви, которая связывает ее с матерью. Полюбите ее ради меня... В этом милom доме, где все мне так нравится, мне оказывают столько внимания; жизнь щедра и прекрасна, и все это, Господи, сотворено Тобой!»

Так велика была радость Винсента, что Тео послал ему венок из дубовых листьев и с шутивным укором попросил его в своем упоении все же не забывать лесов родного Брабанта.

И в самом деле, хотя Винсенту по-прежнему дороги родные равнины и леса, все же он не в силах на этот раз покинуть Англию ради поездки в Хельфорт. Он хочет остаться подле Урсулы, отпраздновать близ нее очередное повышение, которым порадовала его к Рождеству фирма «Гупиль». Чтобы хоть чем-то искупить свое отсутствие, он посылает родным зарисовки своей комнаты, дома мадам Луайе, улицы, на которой стоит этот дом. «Ты так наглядно все изобразил, – писала ему мать, – что мы совершенно ясно все это себе представляем».

Винсент продолжал делиться с родными своим счастьем. Все вокруг радовало, вдохновляло его. «Я с большим удовольствием знакомлюсь с Лондоном, английским образом жизни и самими англичанами. И еще у меня есть природа, и искусство, и поэзия. Если этого мало, то что же еще нужно?» – восклицает он в своем январском письме к Тео. И подробно рассказывает брату о любимых художниках и картинах. «Находи красоту всюду, где только можно, – советует он ему, – большинство людей не всегда замечают красоту».

Винсент одинаково восхищался всеми картинами – как хорошими, так и плохими. Он составил для Тео перечень своих любимых художников («Но я мог бы продолжить его до бесконечности», – писал он), в котором имена мастеров стояли рядом с именами бездарных пачкунов: Коро, Конт-Кали, Боннингтон, мадемуазель Коллар, Буден, Фейен-Перрен, Зиен, Отто Вебер, Теодор Руссо, Юндт, Фромантен... Винсент восхищался Милле. «Да, – говорил он, – “Вечерняя молитва” – это настоящее, это великолепно, это поэзия».

Дни текут счастливо-безмятежные. И все же ни высокий цилиндр, ни идилия с Урсулой Луайе не преобразили Винсента до конца. Многого еще осталось в нем от того маленького дикаря, каким он когда-то был. Однажды случай свел его с неплохим голландским художником, живущим в Англии – одним из трех братьев Марис, – Тейсом Марисом. Но беседа их не вышла за рамки банальных фраз.

Вот и флирту с Урсулой Луайе пора бы выйти за рамки банальных фраз. Но Винсент долго не отваживался произнести решающие слова. Он был уже доволен и тем, что может любоваться красотой девушки, смотреть на нее, говорить, жить бок о бок с ней, и чувствовал себя счастливым. Он был весь полон своей мечтой, большой мечтой, зародившейся в его сердце. Раздобыть денег, жениться на прелестной Урсуле, иметь детей, собственный домик, цветы, вести спокойную жизнь и вкусить, наконец, счастье, хотя бы каплю счастья, простого, безыскусственного, даруемого миллионам и миллионам людей, раствориться в безликой толпе, в ее добром тепле.

В июле Винсент получит несколько дней отпуска. Рождество он провел в Англии, значит, в июле он поедет в Хелфоурт, иначе нельзя. Урсула! Счастье так близко, совсем рядом! Урсула! Винсент больше не в силах откладывать объяснение. Он решается. И вот он стоит перед Урсулой. Наконец-то он объяснился, выговорил слова, которые так долго вынашивал в сердце – неделю за неделей, месяц за месяцем. Урсула взглянула на него и разразилась смехом. Нет, это невозможно! Она ведь уже помолвлена. Молодой человек, снимавший комнату в их доме до Винсента, давно просил ее руки, она его невеста. Невозможно! Урсула смеялась. Смеялась, объясняя этому неуклюжему фламандцу, с такими забавными провинциальными манерами, как он оплошал. Она смеялась.

Капля счастья! Он не получит своей капли счастья! Винсент настаивал, горячо упрашивал Урсулу. Он не уступит ее! Он требовал, чтобы она расторгла помолвку, чтобы вышла замуж за него, Винсента, так страстно ее любящего. Не может же она так просто оттолкнуть его, словно он отвержен самой судьбой.

Но ответом ему был смех Урсулы. Иронический смех Судьбы.

Жан-Франсуа Милле. Вечерняя молитва (Анжелюс).

III. Изгнание

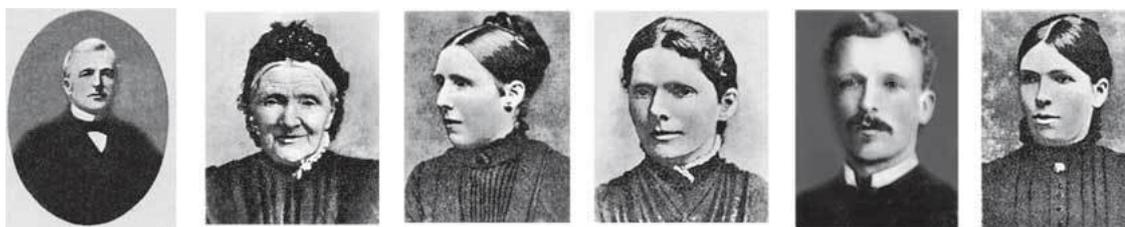
*Я был одинок, совсем одинок,
Окутан морской пеленой,
Забывтый людьми... Ни святые, ни Бог
Не сжалились надо мной.*

Кольридж. «Песня старого моряка», IV

В Хелфоурте пастор и его жена после радостных писем последних месяцев рассчитывали увидеть Винсента бодрым, полным радужных планов на будущее. Но перед ними предстал прежний Винсент, нелюдимый юноша с мрачным, угрюмым взглядом. Мгновения светлого счастья безвозвратно прошли. Небо вновь затянулось черными тучами.

Винсент ни о чем не рассказывал. Удар поразил его в самое сердце. Старики пытались его утешить, но мыслимо ли словами, бесхитростными и бессвязными уговорами помочь человеку, который совсем недавно пережил неистовство восторга, шумно ликовал и громко превозносил свое счастье, внезапно лопнувшее как мыльный пузырь? «Все пройдет», «время все излечит» – нетрудно угадать обычные в таких случаях слова утешения, к которым прибегали родные, желая, чтобы на измученном лице Винсента вновь заиграла спокойная улыбка. Но Винсент ничего не отвечал; впав в протрацию, он заперся в своей комнате и курил день и ночь. Пустые слова! Он любил, он и сейчас беззаветно любит Урсулу. Он душой и телом предался своей любви, и вот теперь все рухнуло – смех любимой девушки все разрушил и растоптал. Мыслимо ли, чтобы человек, вкусивший столько счастья, был повержен в такое безысходное горе? Отступить, сжиться с бедой, топить горе в мелких дурацких повседневных хлопотах, в скудоумных заботах? Ложь, трусость! Почему Урсула отвергла его? Почему сочла его недостойным? Сам он не понравился ей? Или его занятие? Его скромное, жалкое положение, которое он ей столь простодушно предложил с ним разделить? Ее смех, – о, этот смех! – он до сих пор отдается у него в ушах. Снова его обступил мрак, холодный мрак одиночества, роковой тяжестью легший на его плечи.

Запершись в своей комнате на ключ, Винсент курил трубку и рисовал.

Семья Ван Гог. Слева направо: Теодор Ван Гог, отец художника; Анна Корнелия Карбентус, мать художника; Анна, сестра; Елизабет, сестра; Теодор, брат; Вильгельмина, сестра

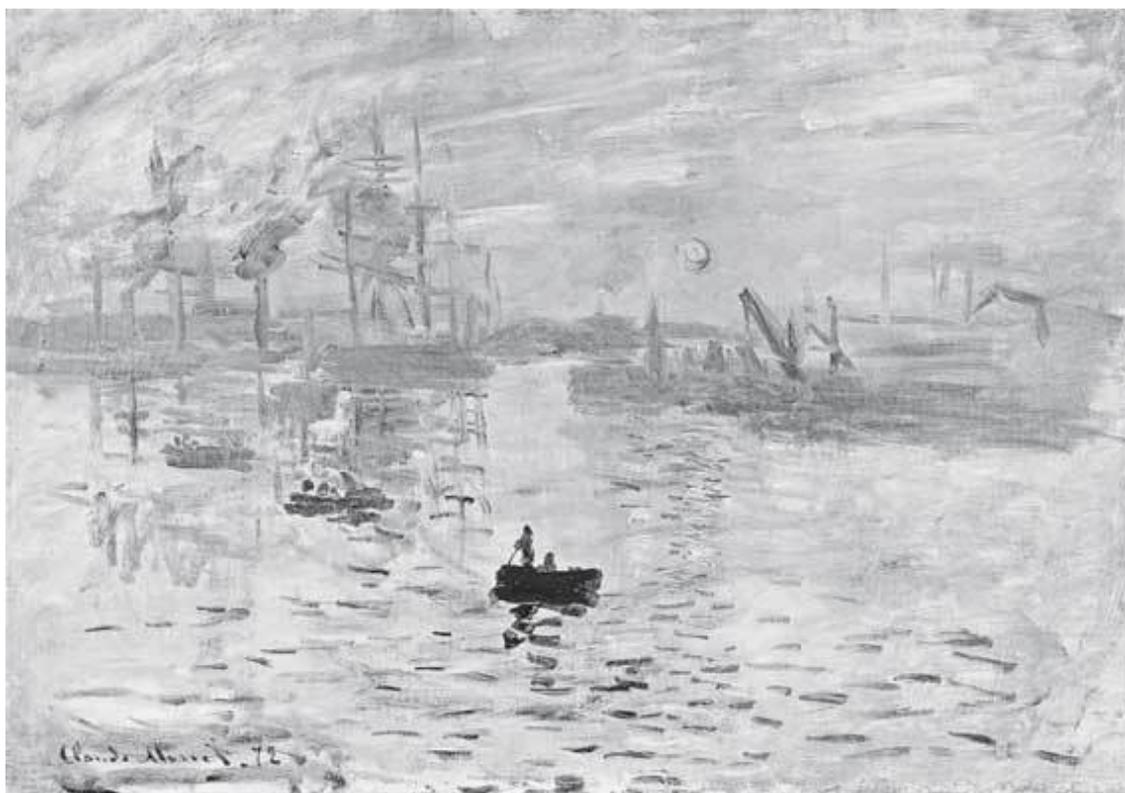
Винсент Ван Гог в возрасте 19 лет

Всякий раз, когда он выходил к ним, священник с женой участливо глядели на своего взрослого, бесконечно несчастного сына. Дни шли своей чередой, и директор лондонского филиала фирмы «Гупиль» вызвал Винсента на службу. Он должен ехать. Родители в тревоге. Они боятся, что он может сделать опрометчивый шаг, сомневаются, благоразумно ли отпустить его одного в Лондон. Пусть лучше с ним поедет старшая из сестер, Анна. Может быть, ее общество несколько успокоит Винсента.

* * *

В Лондоне Винсент с Анной поселились на Кенсингтон Нью Роуд, сравнительно далеко от пансионата мадам Луайе. Винсент вернулся к своей службе в художественной галерее. На этот раз без энтузиазма. Прежнего образцового служащего словно подменили. Он куда меньше радуется своих хозяев. Винсент угрюм, раздражителен. По-прежнему, как и в Хелфоурте, он предается долгим раздумьям. С большим трудом Анне удалось удержать его от попыток вновь увидеться с Урсулой. Он совсем перестал посылать письма родным. Встревоженный настроением сына, пастор решил поведать о случившемся брату Винсенту. Дядюшка Сент тотчас сделал все, что от него требовалось, и директор галереи узнал о несчастной любви своего приказчика. Теперь понятно, откуда эта мрачность и неприветливость к клиентам. Делу легко помочь. Достаточно послать Винсента в Париж. Две-три недели в веселом Париже, городе удовольствий, и все как рукой снимет. Сердечная рана юноши быстро затянется, и он вновь станет примерным служащим.

В октябре Винсент выехал в Париж, в главное отделение фирмы «Гупиль», а сестра Анна возвратилась в Хелфоурт. Винсент один в Париже, в этом городе удовольствий, городе искусства. В салоне фотографа Надара несколько художников, из тех, что беспрестанно подвергаются нападкам, – Сезанн, Моне, Ренуар, Дега... в этом году устроили свою первую групповую выставку. Она вызвала бурю негодования. И поскольку одна из выставленных картин, принадлежавшая кисти Моне, носила название «Восход солнца. Впечатление»⁴, видный критик Луи Леруа издевательски окрестил этих художников импрессионистами, и это название так и осталось за ними.

Клод Моне. Впечатление. Восход солнца

Однако Винсент Ван Гог уделял искусству не больше времени, чем развлечениям. Обреченный на одиночество, он погрузился в безысходное отчаяние. И ни одной дружеской руки! И неоткуда ждать спасения! Он одинок. Он чужой в этом городе, который, как, впрочем, и любой другой, не в силах ему помочь. Он без конца копается в себе, в хаосе мыслей и чувств. Он хочет лишь одного – любить, любить без усталости, но ее отвергли, любовь, переполнявшую его сердце, огонь, бушевавший в его душе и рвущийся наружу. Он хотел отдать все, что имел, одарить Урсалу своей любовью, дать счастье, радость, безвозвратно отдать всего себя, но одним движением руки, обидным смехом – о, как трагически звонко звенел ее смех! – она оттринула все, что он хотел принести ей в дар. Его оттолкнули, отвергли. Любовь Винсента никому не нужна. Почему? Чем он заслужил подобную обиду? В поисках ответа на волнующие его вопросы, спасаясь от тяжких, мучительных дум, Винсент заходит в церкви. Нет, он не верит, что его отвергли. Наверно, он чего-то не понял.

Винсент неожиданно возвратился в Лондон. Он помчался к Урсале. Но, увы, Урсала даже не отперла ему дверь. Урсала отказалась принять Винсента.

⁴ Впечатление – по-французски *impression*. Отсюда – импрессионисты. – *Прим. перев.*

Сочельник. Английский сочельник. Празднично разукрашенные улицы. Туман, в котором мигают лукавые огоньки. Винсент одинок в веселой толпе, отрезан от людей, от всего мира.

Как быть? В художественной галерее на Саутгемптон-стрит он отнюдь не стремится стать прежним образцовым приказчиком. Куда там! Торговать гравюрами, картинами сомнительного вкуса, разве это не самое жалкое ремесло, какое только можно придумать? Не потому ли – из-за убожества этой профессии – его отвергла Урсула? Что для нее любовь какого-то мелкого торгаша? Вот что, наверно, думала Урсула. Он показался ей бесцветным. И в самом деле, как ничтожна жизнь, которую он ведет. Но что же делать, Господи, что же делать? Винсент читает запоем Библию, Диккенса, Карлейля, Ренана... Часто посещает церковь. Как вырваться из своей среды, чем искупить свое ничтожество, как очиститься? Винсент жаждет откровения, которое просветило бы его и спасло.

Дядюшка Сент, по-прежнему издали следивший за племянником, принял нужные меры, чтобы перевести его в Париж на постоянную службу. Наверно, он полагал, что перемена обстановки окажется благотворной для юноши. В мае Винсенту было велено выехать из Лондона. Накануне отъезда в письме к брату он процитировал несколько фраз Ренана, которые произвели на него глубокое впечатление: «Чтобы жить для людей, нужно умереть для себя. У народа, взявшегося нести другим какую-либо религиозную идею, нет иного отечества, кроме этой идеи. Человек приходит в мир не для того только, чтобы быть счастливым, и даже не для того, чтобы просто быть честным. Он здесь для того, чтобы вершить на благо общества великие дела и обрести истинное благородство, поднявшись над пошлостью, в которой прозябает подавляющее большинство людей».

Винсент не забывал Урсулу. Разве мог он ее забыть? Но страсть, владеющая им, подавленная было отказом Урсулы, страсть, которую он сам распалил в себе до предела, неожиданно бросила его в объятия Бога. Он снял на Монмартре комнатку, «выходящую в садик, заросший плющом и диким виноградом». Окончив работу в галерее, он спешил домой. Здесь он проводил долгие часы в обществе другого служащего галереи, восемнадцатилетнего англичанина Гарри Глэдуэлла, с которым подружился за чтением и комментированием Библии. Толстый черный фолиант времен Зюндерта вновь занял место на его письменном столе. Письма Винсента к брату, письма старшего к младшему, напоминают проповеди: «Я знаю, что ты разумный человек, – пишет он. – Не думай, будто все хорошо, научись самостоятельно определять, что относительно хорошо, а что скверно, и пусть это чувство подскажет тебе верный путь, благословенный Небом, – ибо все мы, старина, нуждаемся в том, чтобы нас вел Господь».

По воскресеньям Винсент посещал протестантскую или англиканскую церкви, а иногда и ту и другую и пел там псалмы. С благоговением слушал он проповеди священников. «Все глаголет о благодати тех, кто возлюбил Господа» – на эту тему однажды произнес проповедь пастор Бернье. «Это было величественно и прекрасно», – взволнованно писал брату Винсент. Религиозный экстаз несколько смягчил боль неразделенной любви. Винсент ушел от проклятия. Он избежал одиночества. Во всякой церкви, как и в молельне, беседуешь не только с Богом, но и с людьми. И они согревают тебя своим теплом. Он больше не должен вести нескончаемый спор с самим собой, единоборствовать с отчаянием, безвозвратно отданный во власть темных сил, пробудившихся в его душе. Жизнь снова стала простой, разумной и благодатной. «Все глаголет о благодати тех, кто возлюбил Господа». Достаточно в страстной мольбе воздеть руки к христианскому Богу, зажечь пламя любви и в нем сгореть, чтобы, очистившись, обрести спасение.

Винсент весь отдался любви к Богу. В те времена Монмартр с его садами, зеленью и мельницами, со сравнительно малочисленными и тихими обитателями еще не утратил сельского облика. Но Винсент не видел Монмартра. Взбираясь вверх или спускаясь вниз по его крутым, узким, полным живописной прелести улочкам, где была ключом народная жизнь, Винсент ничего не замечал вокруг. Не зная Монмартра, он не знал и Парижа. Правда, он по-прежнему интересовался искусством. Он побывал на посмертной выставке Коро – художник как

раз скончался в тот год, – в Лувре, Люксембургском музее, в Салоне. Он украсил стены своей комнатки гравюрами Коро, Милле, Филиппа де Шампеня, Бонингтона, Рейсдала, Рембрандта. Но его новая страсть сказалась на его вкусах. Главное место в этом собрании занимала репродукция картины Рембрандта «Чтение Библии». «Эта вещь побуждает к раздумью», – с трогательной убежденностью уверяет Винсент, цитируя слова Христа: «Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них». Винсента снедает внутренний огонь. Он создан, чтобы верить и гореть. Он обожал Урсуну.

Рембрандт. Автопортрет в 23 года

Обожал природу. Обожал искусство. Теперь он обожает Бога. «Чувство, даже тончайшее чувство любви к прекрасной природе, – совсем не то, что религиозное чувство, – заявляет он в письме к Тео, но тут же, охваченный сомнением, снедаемый и раздираемый кипящими в нем страстями, рвущейся наружу любовью к жизни, добавляет: – Хотя я полагаю, что оба эти чувства тесно связаны». Он без устали посещал музеи, но также много читал. Читал Гейне,

Китса, Лонгфелло, Гюго. Читал также Джордж Эллиот «Сцены из жизни духовенства». Эта книга Эллиота стала для него в литературе тем, чем была для него в живописи картина Рембрандта «Чтение Библии». Он мог бы повторить слова, некогда произнесенные госпожой Карлейль по прочтении «Адама Бида» того же автора: «Во мне проснулось сострадание ко всему роду человеческому». Страдая, Винсент испытывает смутную жалость ко всем страждущим. Сострадание есть любовь, «каритас» – высшая форма любви. Порожденное любовным разочарованием, его горе вылилось в иную, еще более сильную любовь. Винсент занялся переводом псалмов, погрузился в благочестие. В сентябре он объявил брату, что намерен расстаться с Мишле и Ренаном, со всеми этими агностиками. «Сделай и ты то же самое», – советует он. В начале октября он настойчиво возвращается к той же теме, спрашивает брата, действительно ли тот избавился от книг, которые во имя любви к Богу, право, следовало бы запретить. «Страницу Мишле по поводу “Женского портрета” Филиппа де Шампеня ты все же не забывай, – добавляет он, – и не забывай Ренана, Однако расстанься с ними...»

И еще Винсент писал брату: «Ищи света и свободы и не погружайся слишком глубоко в грязь этого мира». Для самого Винсента грязь этого мира сосредоточена в галерее, куда каждое утро он вынужден направлять свои стопы.

Господа Буссо и Валадон, зятья Адольфа Гупиля, основавшего эту галерею с полвека назад, стали после него директорами фирмы. Им принадлежали три магазина – на площади Оперы в доме 2, в доме 19, на бульваре Монмартр, и в доме 9 на улице Шапталъ. В этом последнем магазине, разместившемся в роскошно обставленном зале, служил Винсент. С потолка свисала блестящая хрустальная люстра, освещающая мягкий диван, где отдыхали клиенты – завсегдатаи этого модного заведения, отдыхали, любуясь картинами в нарядных позолоченных рамах, развешанными по стенам. Здесь – тщательно выписанные работы прославленных мэтров тех лет – Жан-Жака Энне и Жюля Лефевра, Александра Кабанеля и Леона-Жозефа Бонна, – все эти импозантные портреты, добродетельные ню, искусственные героические сцены – слащавые картины, вылизанные и прилизанные именитыми мастерами. Это слепок мира, сияющего скрыть свои пороки и нищету за лицемерными улыбками и фальшивой добропорядочностью. Именно этого мира бессознательно страшится Винсент. В этих банальных картинах он чувствует фальшь: в них нет души, и его оголенные нервы болезненно улавливают пустоту. Снедаемый неутомимой жадой добра, измученный непреодолимым стремлением к совершенству, он вынужден, чтобы не умереть с голоду, торговать этим жалким хламом. Не в силах смириться с такой участью, он сжимал кулаки.

«Что вы хотите? Такова мода!» – сказал ему кто-то из коллег. Мода! Хвастливая самоуверенность, глупость всех этих кокеток и франтов, посещающих галерею, раздражала его до крайности. Винсент обслуживал их с нескрываемым отвращением, а бывало, даже покрикивал на них. Одна из дам, оскорбившись таким обращением, обозвала его «голландским мужланом». В другой раз, не в силах сдержать раздражения, он брякнул своим хозяевам, что «торговля произведениями искусства – всего лишь форма организованного грабежа».

Естественно, господа Буссо и Валадон никак не могли быть довольны таким скверным приказчиком. И они послали в Голландию письмо с жалобой на Винсента. Он позволяет себе совершенно неуместную фамильярность с клиентами, говорилось в нем. Винсент со своей стороны тоже был недоволен службой. В декабре – не в силах дольше терпеть – он, никого не предупредив, покинул Париж и уехал в Голландию, чтобы встретить там Рождество.

Отец его опять сменил приход. Теперь его назначили священником в Эттен – небольшой поселок неподалеку от города Бреда. Перевод этот ни в коей мере не означал повышения. Пастор, чье годовое жалованье составляет около восьмисот флоринов (даже Винсент и тот зарабатывает больше тысячи), все так же беден и потому страстно мечтает обеспечить будущее своих детей. Это самая серьезная из его забот. Но ничуть не меньше заботит его угнетенное состояние духа, в котором явился к нему Винсент. Смушает его и мистическая экзальтация сына –

в одном из писем он напоминает ему историю Икара, который захотел полететь на солнце и лишился крыльев. А другому сыну – Тео – он написал: «Винсент должен быть счастлив! Может быть, лучше подыскать ему другую службу?»

Отлучка Винсента была короткой. В первых числах января 1876 года он возвратился в Париж. Господа Буссо и Валадон холодно встретили приказчика, которого, при всех его недостатках, им все же очень не хватало в дни предрождественской торговли. «Встретившись снова с господином Буссо, я спросил его, согласен ли он, чтобы я и в этом году оставался на службе у фирмы, полагая, что ни в чем особенно серьезном он не может меня упрекнуть, – пишет 10 января брату Тео смущенный Винсент. – На деле, однако, все обстояло иначе, и, поймав меня на слове, он сказал, что я могу считать себя уволенным с 1 апреля и благодарить господ владельцев фирмы⁵ за все, чему я научился у них на службе».

Винсент растерялся. Он ненавидел свою работу, и его поведение на службе рано или поздно должно было поссорить его с хозяевами. Но подобно тому, как два года назад он не понял кокетства и легкомыслия Урсулы, так и тут не умел предвидеть неизбежные последствия своих выходов – увольнение удивило и огорчило его. Очередной провал! Сердце его переполнено неиссякаемой любовью к людям, но именно она, эта любовь, разлучила его с людьми, сделала изгоем. Он вновь отвергнут. 1 апреля он оставит свою службу в художественной галерее и одиноко побредет дальше своим тернистым путем. Куда ему податься? В какие края? Он не знал, как жить в этом мире, в котором пробирался ощупью, точно слепой. Он знал лишь, что выброшен за борт, и смутно ощущал, что в мире для него не найдется места. И еще он знал, – это главное! – что привел в отчаяние своих близких. Дядюшка Сент, взбешенный случившимся, заявил, что не станет больше заботиться о своем несносном племяннике. Как оправдаться перед родными? Винсент подумал об отце – казалось бы, его прямой, честный жизненный путь должен служить сыну примером. С тревогой думал он о том, что обманул ожидания отца, то и дело причиняя ему огорчения, тогда как его братья и сестры всегда только радуют старика. Глубокая, нестерпимая боль раскаяния охватила душу Винсента. У него не было сил нести свой крест, – слишком тяжело было бремя! – и за это он укорял себя в слабости. Урсула отвергла его, и вслед за ней его отверг весь мир. Что он за человек? Что же такое сокрыто в нем, мешающее ему достигать всех, даже самых скромных успехов, всего, на что он осмеливался притязать? Какой тайный порок, какой грех должен он искупить? Скоро ему уже исполнится двадцать три года, а он словно мальчишка, которого то и дело бросает из стороны в сторону, и он никак не найдет точки опоры, словно обреченный на вечные неудачи! Что же теперь делать, о господи?!

⁵ При сличении французского перевода этого письма с голландским оригиналом выявилась ошибка, которую допустил Перрюшо, вероятно опираясь на изданный во Франции перевод писем Ван Гога. Во французском тексте говорится: «Он сказал, что я могу считать себя уволенным с 1 апреля и благодарить Господа Бога за все, чему я научился у них на службе», тогда как в голландском оригинале сказано: «благодарить господ (владельцев фирмы)». По голландским оригиналам нами выправлены также и некоторые другие цитаты из писем Ван Гога. – *Прим. перев.*

Альберт Кёйп. Маас в Дордрехте

Отец посоветовал ему поискать работу в музее. А Тео заявил, что стоило бы заняться живописью, коль скоро у Винсента такая явная тяга и бесспорные способности к этому делу. Нет, нет, упрямо твердил Винсент. Он не будет художником. Он не имеет права искать легкого пути. Он должен искупить свою вину, доказать, что он не столь уж недостоин заботы, которой его окружали родные. Отвергая Винсента, общество обвиняет его. Он должен пересилить себя и исправиться, чтобы наконец заслужить уважение сограждан. Все неудачи – следствие его неумелости и ничтожества. Он исправится, станет другим человеком. Он искупит свои грехи. А покамест он ищет работу, изучает объявления в английских газетах, списывается с работодателями.

В начале апреля Винсент приехал в Эттен. Он не собирался долго здесь задерживаться. Не хотел быть в тягость родителям, которые и без того слишком долго о нем пеклись. Нежность матери и отца, взволнованных тревожными письмами Тео, не смягчила, а, напротив, еще сильнее растравила в его душе горечь раскаяния. Винсент списался с преподобным отцом Стоуксом – директором учебного пансионата в Рамсгейте, и тот предложил ему в своем заведении место учителя. Скоро Винсент возвратится в Англию.

Он разыщет Урсулу, и кто знает...

Винсент собрался в путь.

16 апреля Винсент прибыл в Рамсгейт, маленький городок в устье Темзы, в графстве Кент. В письме к родным он рассказал о своем путешествии, рассказал, как человек, глубоко любящий природу и необыкновенно тонко чувствующий цвет: «На другое утро, когда я ехал поездом из Гарвича в Лондон, мне было так приятно глядеть в предрассветных сумерках на черные поля, на зеленые равнины, где паслись ягнята и овцы. Тут и там – колючий кустарник, высокие дубы с темными ветвями и стволами, поросшими серым мхом. Синее предрассветное небо, на котором еще мерцало несколько звезд, и на горизонте – стайка серых облаков. Еще до восхода солнца я услышал пение жаворонка. Когда мы подъезжали к последней станции перед самым Лондоном, выплыло солнце. Стайка серых облаков рассеялась, и я увидел солнце – такое простое, огромное, истинно пасхальное солнце. На траве сверкала роса и ночной иней...

Поезд в Рамсгейт ушел лишь через два часа после моего прибытия в Лондон. Это примерно еще четыре с половиной часа езды. Дорога красивая – мы проезжали, например, холмистую местность. Внизу холмы покрыты редкой травой, а наверху выросли дубовые рощи. Все это напоминает наши дюны. Между холмами примостилась деревня с церковью, увитой плющом, как и многие дома, сады были в цвету и над всем стояло голубое небо с редкими серыми и белыми облачками».

Винсент был поклонником и знатоком Диккенса. Войдя в старый дом из серых кирпичных плит, увитых розами и глициниями, где преподобный Стоукс разместил свою школу, он не хуже какого-нибудь Дэвида Копперфилда сразу почувствовал себя в знакомой среде. Казалось, эта новая для него обстановка перенесена сюда из диккенсовского романа. Преподобный Стоукс обладал странной внешностью. Всегда одетый в черное, долговязый, худой, с изборожденным глубокими морщинами лицом, темно-коричневым, как у старинного деревянного идола – так описывал его Винсент, – он ближе к вечеру и вовсе походил на привидение. Представитель мелкого английского духовенства, он был чрезвычайно стеснен в средствах. С огромным трудом содержал он свое не в меру многочисленное семейство, за которым присматривала его тихая, неприметная жена. Его пансионат прозябал. Учеников ему удавалось набирать лишь в самых бедных лондонских кварталах. Всего у преподобного Стоукса было двадцать четыре ученика в возрасте от десяти до четырнадцати лет – бледные, изможденные мальчишки, которым их цилиндры, брюки и узкие пиджаки придавали еще более жалкий вид. По воскресеньям вечерами Винсент с грустью глядел, как они в том же самом костюме играют в чехарду.

Ученики преподобного Стоукса ложились спать в восемь часов вечера, а поднимались в шесть утра. Винсент не ночевал в пансионате. Ему отвели комнатку в соседнем доме, где жил второй репетитор питомцев Стоукса – юноша лет семнадцати. «Хорошо бы украсить стены несколькими гравюрами», – писал Винсент.

Винсент с интересом разглядывал окрестный пейзаж – кедры в саду, каменные дамбы порта. Вкладывал в письма веточки морских водорослей. Изредка он водил питомцев на прогулку к берегу моря. Эти хилые дети не отличались шумливостью, к тому же постоянное недоедание тормозило их умственное развитие, и если они не радовали его успехами, на которые вправе рассчитывать всякий учитель, зато ничем ему не досаждали. К тому же, по правде говоря, Винсент отнюдь не выказал себя блестящим педагогом. Он преподавал «все понемногу» – французский и немецкий, арифметику, правописание... Но куда охотнее, глядя на расстилающийся за окном морской пейзаж, он занимал своих учеников рассказами о Бранте и его красотах. Развлекал он их также сказками Андерсена, пересказом романов Эркмана-Шатриана. Как-то раз он совершил пешую прогулку из Рамсгейта в Лондон и сделал привал в Кентерберии, где с восхищением осмотрел собор; потом провел ночь на берегу пруда.

Не тогда ли Винсент узнал, что Урсула вышла замуж? Никогда больше он не упоминал ее имени, не говорил о ней. Любовь его растоптана безвозвратно. Он никогда больше не увидит своего «ангела».

Как бедна, бесцветна его жизнь! Он задыхается в душном мирке, ставшем отныне его миром. Школьная дисциплина, регулярные и однообразные занятия в одни и те же часы противны его натуре, угнетают его. Он страдает, не в силах привыкнуть к раз навсегда заведенному, точному распорядку. Но он не намерен бунтовать. Исполненный печального смирения, он предается в английском тумане невеселым размышлениям. Этот туман, в котором словно бы растворился окружающий мир, побуждает его сосредоточиться на самом себе, на своей сердечной ране. На его столе рядом с Библией лежат теперь «Надгробные речи» Боссюэ. Постепенно изменяется тон его писем к Тео. Слишком много неудач он претерпел в своей жизни, чтобы по-прежнему говорить с братом как старший с младшим. Идет дождь. Свет уличных фонарей покрывает мокрые тротуары серебристой росписью. Когда ученики ведут себя слишком шумно, их оставляют без хлеба и чая и отсылают спать. «Если бы вы видели их в эти

минуты, прильнувших к окну, перед вами предстала бы глубоко печальная картина». Печалью здешнего края пронизано все его существо. Она сродни настрою его собственных дум и будит в нем смутную тоску. Диккенс и Джордж Эллиот своими чувствительными сочинениями склоняют его к приятию этого безрадостного смирения, в котором благочестие сливается с состраданием. «В больших городах, – пишет брату Винсент, – народ испытывает сильную тягу к религии. Многие рабочие и служащие переживают неповторимую пору прекрасной благочестивой юности. Пусть городская жизнь подчас отнимает у человека the early dew of morning⁶, но тяга к той самой old, old story⁷ по-прежнему остается – ведь то, что заложено в душе, в душе и останется. Эллиот описывает в одной из своих книг жизнь фабричных рабочих, которые объединились в небольшую общину и совершают богослужения в часовне на Лантерн-Ярд, и это, говорит она, “царство божие на земле, – ни больше, ни меньше”... Когда тысячи людей устремляются к проповедникам, это воистину трогательное зрелище».

В июне преподобный Стоукс перевел свое заведение в один из пригородов Лондона – Айлворт, на Темзе. Он задумал реорганизовать и расширить школу. Было очевидно, что этот план порожден финансовыми соображениями. Ежемесячная плата за обучение поступала туго. Родители его учеников, как правило, скромные ремесленники, мелкие лавочники, ютившиеся в бедных кварталах Уайтчепеля, вечно жившие под гнетом просроченных долгов и взносов. Они посылали своих детей в школу преподобного Стоукса потому, что у них не было средств определить их в другое место. Когда они переставали платить за обучение, преподобный Стоукс пытался усомнить их. Если же ему не удавалось вытянуть из них ни пенни, он, не желая попусту тратить время и силы, отчислял их детей из школы. На этот раз неблагодарную задачу – обходить родителей и собирать плату за учение – преподобный Стоукс взвалил на Винсента.

И вот Винсент отправился в Лондон. Собирая просроченные взносы, он обходил одну за другой убогие улицы Ист-Энда, с их нагромождением низких серых домов и густой сетью грязных переулков, тянувшихся вдоль причала и населенных жалкими, нищими людьми. О существовании этих бедных кварталов Винсент знал из книг – ведь они подробно описаны Диккенсом. Но живая картина человеческой нищеты потрясла его куда больше, чем все викторианские романы, вместе взятые, потому что книжный юмор, поэзия смиренного простодушия нет-нет да возбуждают улыбку, золотистым лучом высветят мрак. Однако в жизни – такой, как она есть, сведенной к простейшей своей сути, лишенной прикрас, заимствованных в арсенале искусства, нет места для улыбок. Винсент шел дальше. Он стучался в жилища старьевщиков, сапожников, мясников, сбывающих в здешних трущобах мясо, которое в Лондоне никто не захотел бы купить. Застигнутые врасплох его приходом, многие родители погашали задолженность за обучение. Преподобный Стоукс поздравил его с успехом.

Но поздравлениям скоро пришел конец.

Вторично отправившись к родителям-должникам, Винсент не принес Стоуксу ни единого шиллинга. Он не столько думал о своем поручении, сколько о нищете, всюду бросавшейся в глаза. Он сочувственно выслушивал рассказы, правдивые или вымышленные, которыми должники преподобного Стоукса старались его растрогать, чтобы отсрочить погашение платы. Это удавалось им без труда. Винсент был готов слушать любые рассказы – такая безграничная жалость к людям вспыхивала в его сердце при виде трущоб без воздуха, без воды, пропахших затхлостью, лишенных света лачуг, где в каждой комнате ютилось по семь-восемь человек, одетых в лохмотья. Он видел груды помоев, загромождавших зловонные улицы. Он не спешил выбраться из этой клоаки. «Ну как, теперь вы верите в ад?» – спросил у Эмерсона Карлейль после того, как сводил его в Уайтчепель. Болезни, пьянство, разврат безраздельно

⁶ Раннюю утреннюю росу (англ.).

⁷ Старая, старая история (англ.).

царили в этой обители всех пороков, куда викторианское общество вытолкнуло своих париев⁸. В смрадных притонах, то бишь доходных домах, на соломе, на ворохе тряпья спали несчастные люди, не имевшие даже трех шиллингов в неделю на то, чтобы снять какой-нибудь подвал. Бедняков сгоняли в работные дома, невообразимо мрачные тюрьмы. Это «изобретение столь же простое, как все великие открытия, – с горькой иронией говорил Карлейль. – Достаточно создать беднякам адские условия, и они начнут вымирать. Секрет этот известен всем крысоловам. Еще более эффективной мерой следовало бы признать применение мышьяка».

Боже! Боже! Что сделали с человеком! Винсент шагает дальше. Муки этих людей сродни его собственным мукам, он ощущает их горе с такой остротой, словно оно постигло его самого. Не сострадание влечет его к ним, а нечто неизмеримо большее; это в самом точном и полном смысле слова могучая любовь, которая захлестнула и потрясла все его существо. Униженный, несчастный, он всем сердцем с самыми несчастными, самыми обездоленными из людей. Он вспоминает отца, вспоминает слова, которые тот часто повторял по долгу службы: «Истинно говорю вам, что мытари и блудницы вперед вас идут в Царство Божие». Строки Евангелия набатом звучат в его растревоженной душе, алчущей искупления. Эта страждущая душа, мгновенно отзывающаяся на любое жизненное явление, готовая беззаветно сопереживать людям и делам, знает одну любовь. Все отвергли любовь Винсента. Что ж, он принесет ее в дар этим несчастным, к которым его влечет и общий удел – нищета, и его многократно отвергнутая любовь, и религиозная вера. Он понесет им слова надежды. Он пойдет по стопам отца.

Возвратившись в Айлворт к преподобному Стоуксу, который с нетерпением дожидается его прихода, Винсент, весь под влиянием увиденного горя, рассказывает пастору о своем трагическом путешествии по Уайтчепелю. Но преподобный Стоукс думает только об одном – о деньгах. Сколько собрано денег? Винсент начинает рассказывать о горе семей, в которых побывал. Подумать только, как бесконечно несчастны эти люди! Но преподобный Стоукс все время прерывает его: а как с деньгами, сколько же денег принес Винсент? Такая страшная жизнь у этих людей, такие беды!.. Боже, боже, что сделали с человеком! Но пастор по-прежнему твердит свое: а деньги, где деньги? Но Винсент ничего не принес. Мыслимо ли требовать какую-то плату у этих несчастных людей? Как, он вернулся без денег? Преподобный Стоукс вне себя. Что ж, отлично, раз так, он немедленно выставит этого никчемного учителяшку за дверь.

Какая важность, что он уволен! Отныне Винсент душой и телом принадлежит своей новой страсти. Стать художником, как советовал ему Тео? Но Винсент слишком остро терзается раскаянием, чтобы следовать лишь своим вкусам и склонностям. «Я не хочу быть сыном, которого стыдятся», – тихо шепчет он про себя. Он должен искупить свою вину, понести кару за огорчения, которые причинил отцу. Но разве не будет лучшим искуплением, если он пойдет по стопам отца? Винсент уже давно подумывал о том, чтобы стать проповедником Евангелия. В Айлворте была еще одна школа – во главе ее стоял методистский пастор по фамилии Джонс. Винсент предложил ему свои услуги, и тот принял его на службу. Как и в школе Стоукса, он должен заниматься с учениками, но главное – помогать пастору во время церковной службы, быть как бы помощником проповедника. Винсент счастлив. Мечта его сбылась.

Он лихорадочно окунулся в работу. Одну за другой сочинял он проповеди, которые порой удивительно напоминают пространный евангелистский комментарий к той или иной картине. Он вел нескончаемые богословские споры с Джонсом, изучал литургические песнопения. Скоро он и сам начал читать проповеди. Он проповедовал Евангелие в разных лондонских пригородах – в Питершэме, Тэрнхам Грине и других.

⁸ Тремя десятилетиями раньше один молодой немец, изучив положение в этих кварталах, собрал материал для своей первой книги «Положение рабочего класса в Англии». Это был Фридрих Энгельс, в 1848 году совместно с Карлом Марксом подписавший «Коммунистический манифест».

Винсент не мог похвастать красноречием. Он никогда раньше не держал публичных речей и не был к этому подготовлен. Да и не так уж бегло говорил он по-английски. Но Винсент продолжал выступать, стараясь преодолеть собственные недостатки, рассматривая их лишь как очередное испытание, ниспосланное ему для вящего смирения. Он не шадил себя. Часы досуга он проводил в церквах – католических, протестантских и синагогах, – не считаясь с их различиями, возжелав одного Слова Божьего, в какие бы формы оно ни было облечено. Эти различия – плод бессилия человека познать абсолютную истину – не могли поколебать его веры. «Оставьте все и следуйте за мной», – говорил Христос. И еще: «И всякий, кто оставит дома, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную». Как-то раз Винсент бросил в церковную кружку свои золотые часы и перчатки. Стены своей комнатухи он украсил гравюрами в духе нового увлечения: это «Страстная пятница» и рядом «Возвращение блудного сына», «Христос Утешитель» и «Святые жены, следующие ко Гробу Господню».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.